

*Я посвящаю эту книгу искателям истин —
тем, кто не хочет жить
неисследованной жизнью,
кто задает вопросы, смотрит вглубь
и готов на все ради ответов*

*Срывать покровы всегда рискованно,
но некоторые из нас
просто не могут иначе*

ОТ АВТОРА

Я, как обычно, обязан всем тем, кто участвовал в создании этой книги: исследователям, проделавшим огромный труд по сбору исторических сведений, художникам и редакторам, а также тем, кто на каждом шагу меня поддерживал. Ваша помощь неоценима.

Специально для знатоков истории отмечу, что старался как можно достовернее описать быт на британском военном судне времен Опиумных войн, хотя задача была очень непростая. Я сочинял истории в разных антуражах, но именно об этой эпохе и об этих местах документальных свидетельств сохранилось меньше всего. Надеюсь, среди неизбежных ошибок нет совсем уж непростительных.

Также хочу отметить, что персонажи говорят соответственно времени действия. В частности, если сегодня слова «винтовка» и «ружье» обозначают для нас разные понятия, то в 1850-х они были взаимозаменяемыми. Более того, во многих тогдашних текстах упоминаются «винтовальные ружья». И подобных примеров предостаточно; Впрочем, не хочу никого утомлять их перечисле-

Эндрю Пьяцца

нием. Все-таки это художественное произведение, а не документальное.

И наконец, обращаюсь к тебе, дорогой читатель: я бесконечно благодарен за то, что ты решил уделить время и внимание этой книге. Надеюсь, она оправдает твои ожидания.

Если произведение тебе понравится, милости прошу на мой сайт: www.andrewpiazza.com. Я поддерживаю связь с читателями через почтовую рассылку, и все подписчики получают от меня бесплатную подборку рассказов.

Ну что ж, а теперь — приступим!

1

Бывает в море какая-то особенная тишина, которая откликается в пустоте, что покоится в глубинах нашей души. Стоя на корабельной палубе, вдали от искусственных огней, освещающих созданный человеком мир, и всматриваясь в ночное небо, наконец в полной мере осознаешь, насколько Вселенная невообразимо велика.

Это океан света и тьмы, раскинувшийся по небу до самого горизонта и простирающийся далее — в глубины космоса, непостижимые человеческим разумом. Оказавшись наедине с бесконечностью, поневоле задумаешься, насколько одинок наш род, брошенный скитаться по бескрайней и безразличной пустоте пространства на углу суденьшке из камня, воды и земли.

В такие тихие минуты невыносимо жаждешь какого-нибудь звука. Для меня, когда я в море, этот звук — музыка, протяжные ноты моей скрипки, которые разносятся над безразличным простором вод, сквозь темноту, отчаянно пытаюсь хоть до чего-нибудь дотянуться.

Да, отправлять песню в пустоту звучит как блажь, но она происходит из мучительного жела-

Эндрю Пьяцца

ния удостовериться, что мои чувства, да и я сам, реальны и что это все не иллюзия, порожденная воспаленным разумом.

Иногда эта песня задорная. Иногда она торжествующая. Иногда — печальная. И все же пусть лучше печальная, чем совсем никакой.

В этом и смысл: заявить о себе, возвестить небесам о том, что ты живешь и дышишь, песней поведать Вселенной, что значит быть и осознавать свое бытие.

Вот о чем та мелодия, что звучит сейчас над окружающими меня темными водами. Я играю ее, чтобы отогнать сосущий страх за себя и горстку товарищей, переживших жуткие события последних дней.

Я не в силах точно описать, что видел на том загадочном безымянном острове, затерявшемся в Южно-Китайском море. Я даже не могу утверждать, что я, рассказывающий вам эту историю, действительно я. Увы, кроме самой истории, у меня ничего нет.

Так позвольте мне спеть вам свою песню для пустоты. Песню о тьме и свете, о безумствах и тайнах, об ужасах и любви, о жестокости и превозмогании. Может быть, она тронет вас. Или просто развлечет. Главное, это моя песня, и она — единственное, что я способен дать вам и Вселенной.

2

На рейде у бухты стояли семнадцать военных джонок. Пираты не подозревали, что мы уже совсем рядом.

А даже если бы подозревали, ничего бы не изменилось. Китайцы славились своей кровожадностью, когда добыча попадалась легкая, но, встретив тяжеловооруженное судно Королевского флота Ее Величества, тут же обращались в паническое бегство.

Бывали, конечно, и исключения. Я сам неоднократно принимал участие в охоте на пиратов после окончания Англо-китайской войны — или Опиумной войны, как ее неодобрительно именуют некоторые наши соотечественники. Более того, я лично приложил руку к поимке двух самых отъявленных злодеев: Шап Нг-цая и Чуи А-пу, в иное время имевших под своим началом более сотни судов и тысячи людей.

Впрочем, это случилось давно, в тысяча восемьсот сорок девятом. Когда с теми разбойными флотами было покончено, новых пиратских главарей подобного размаха в Южно-Китайском море не появлялось. Сами пираты, естественно,

Эндрю Пьяцца

никуда не делись. Уж слишком заманчивым выглядел такой образ жизни на фоне упадка Цинской империи, усугубленного восстанием христиан-тайпинов.

Справедливости ради, большинство китайцев на пиратскую стезю толкнуло отчаяние. В этой части света нищета — следствие перенаселения и коррумпированности местных властей — неискоренима. Прибавьте к ней голод, вызванный внутренними распрями, и получите неиссякаемый поток людей, которым нечего терять, потому что хуже уже некуда.

И вот с этим бардаком пытался разобраться Королевский флот.

— Вы уже идете в кокпит, доктор? — обратился ко мне Джек Перхем, гардемарин почтенных тринадцати лет от роду. Мы с ним сошлись почти сразу же, едва я ступил на борт «Чарджер»; отчасти потому, полагаю, что юношу впечатлили рассказы о моих былых заслугах.

— Не так быстро, мистер Перхем, — ответил за меня Майлз Андерсон, капитан корабля. — Думаю, доктору Пирсу стоит задержаться на палубе и посмотреть, на что способен «Чарджер».

— Да, капитан, — кивнул я, — мне довольно давно не приходилось наблюдать военные корабли в деле.

Так я в том числе выражал благодарность. Именно капитан Андерсон вытащил меня из трясины наркотического уныния, в которой я, оставив службу, прозябал последние несколько месяцев.

ПЕСНЯ ДЛЯ ПУСТОТЫ

«Я не знаю лучшего охотника на пиратов,— сказал он, когда разыскал меня.— И к тому же... не сегодня завтра разразится новая война с китайцами. Нутром чую. Королевскому флоту нужен каждый хороший офицер».

Тогда я не мог ему ответить, даже в лицо посмотреть не мог. Я сидел, опустив голову, и не сводил глаз с чертовой опиумной трубки, вокруг которой все эти месяцы обращалась моя жизнь.

«Вы пережили страшную трагедию, доктор.— На трубку он ни разу не взглянул, избавив меня тем самым от еще большего унижения.— Уже вторую. В первый раз вам удалось выкарабкаться благодаря службе в Королевском флоте. Возможно, она выручит вас снова».

Это был позорный эпизод в моей жизни, но капитан — человек высочайшего благородства — не напоминал мне о нем ни тогда, ни теперь, после того как я под его началом заступил на борт «Чарджер», нового изумительного пароходофрегата.

«С возвращением»,— только и сказал он, и больше мы темы не касались.

«Чарджер» стремительно несся к джонкам, движимый гребным винтом на паровой тяге. Капитан не обманул: посмотреть было на что. Пароходы, которые я прежде видел на Англо-китайской войне, мало чем отличались от обычных парусников, разве что к борту приладили огромное колесо. Новые же суда вроде «Чарджера» оснащали винтом; он располагался за кормой и ниже ватерлинии, что позволяло освободить

Эндрю Пьяцца

12

место на палубе под орудия и давало винту защиту. Боковые колеса были крайне уязвимы для неприятельского огня.

Я почти ощущал, как стучит от возбуждения сердце юного Джека, стоявшего рядом со мной. Еще бы: один пароходофрегат против семнадцати военных джонок, вот только «Чарджер» был лев, а пиратские суденышки — не более чем стайка напуганных шакалов.

— А на войне было так же, доктор? — спросил у меня Джек. Голос у него подрагивал, но не от страха, а от азарта.

— Займите свое место, мистер Перхем,— с отеческой строгостью сказал капитан.— И будьте готовы возглавить абордажную команду.

Глаза у Джека стали с суповую тарелку, и он метнулся на позицию, точно ребенок, спешащий открыть рождественские подарки. Капитан с усмешкой посмотрел на меня.

Мы оба помнили, каково это — чувствовать, как бурлит кровь в преддверии первого сражения. Мы испытывали то же самое в сороковом году, когда война с китайцами началась по-настоящему.

Будто в иной жизни. Я даже не был уверен, могу ли считаться тем же человеком, что наблюдал, как «Уэлсли» и другие корабли британской эскадры превращают в фарш вражеские джонки в Чусанском заливе.

Остальные члены экипажа стояли достаточно далеко, чтобы я мог обратиться к капитану чуть менее церемонно:

ПЕСНЯ ДЛЯ ПУСТОТЫ

— Джек прав, — вполголоса произнес я. — Мне пора в кокпит.

— О, не думаю, что в этом возникнет нужда. — Капитан Андерсон коротко рассмеялся. — Погодите, сейчас спуститесь. Я не шутил, когда предлагал посмотреть, на что способен «Чарджер». И потом, от вас будет больше пользы скорее как от переводчика, нежели как от хирурга.

Мне было приятно задержаться на палубе подольше. Ть, как пароходофрегат обрушивает свою огневую мощь на противника, — незабываемое зрелище. На «Чарджере» стояло в общей сложности двадцать две крупнокалиберные пушки, стрелявшие тридцатидвухфунтовыми ядрами; эти орудия со времен адмирала Нельсона и Наполеоновских войн существенно не изменились.

Куда более впечатляли новые восьмидюймовые бомбовые пушки, стрелявшие разрывными снарядами. Такие были способны превратить деревянные суда в труху. На «Чарджере» стояло двадцать восемь орудий нового образца, так что пиратам на их неповоротливых джонках оставалось лишь спасаться бегством.

От первого бортового залпа доски у нас под ногами сотряслись, а кости зазвенели, будто ключи на связке. Стреляли как раз восьмидюймовки: они били несколько дальше тридцатидвухфунтовых пушек. Разрываясь в гуще джонок, снаряды сеяли вокруг смерть и разрушение.

Корма одного из пиратских кораблей разлетелась в щепки, и он тут же накренился, зачерпывая воду. Пираты — те, кого не убило или не

Эндрю Пьяцца

ранило взрывом,— попрыгали с палубы в море и стали отчаянно грести к ближайшему берегу, пока судно медленно тонуло.

Снаряд из второго залпа угодил точно в середину другой джонки. Та разлетелась в стороны шаром из огня, дыма и деревянных обломков — видимо, взрыв задел кюйт-камеру, где находился склад боеприпасов. Китайцы вообще отличались безалаберностью в хранении пороха, и пираты были в этом смысле ничуть не лучше.

Сквозь звон в ушах после канонады я услышал зычное улюлюканье; эти возгласы издавал штатский, стоявший рядом со мной и капитаном. Его звали Уэст, и он был американец, которого мы взяли на борт в Гонконге в качестве осведомителя.

— Гип-гип! — кричал он, размахивая шляпой.— Уж пальнули, так пальнули!

Я изо всех сил сдерживал отвращение. В лучшем случае Уэста можно было назвать контрабандистом. Когда-то просто торговец опиумом, теперь он не гнушался и менее респектабельными делишками. Я познакомился с ним в Гонконге после войны, работая на Китайскую станцию¹. От тех же людей, с которыми меня свело знание языка и которые свели меня с Уэстом, я слышал,

¹ *Китайская станция* — самостоятельное командование в составе Королевского военно-морского флота, образованное в середине XIX в. Имело базы в Сингапуре и Гонконге и защищало интересы Великобритании в прибрежных водах Китая и Голландской Ост-Индии, на судоходных реках и в западной части Тихого океана. (*Здесь и далее — прим. пер.*)

что он наравне с опиумом промышляет рабами... Они называли его «блэкбёрдер»¹.

Как всякий подлец, он вел себя тем более жестоко, чем слабее казалась жертва. Перед лицом же сильного он источал миролюбие и улыбочивость. Разговаривая с кем-либо из Королевского флота, он превращался в заискивающего лизоблюда, который только и ищет возможности услужить.

В качестве именно такой услуги он выдал нам местоположение пиратской флотилии, ее численность и вооружение. Навряд ли Уэста к этому подтолкнула гражданская сознательность. Куда скорее он устранял конкурентов.

— Согласен, мистер Уэст, выстрел превосходный,— сказал капитан.— Командор Хьюз, распорядитесь выдать оружейному расчету по чарке рома.

— Рома, тоже мне! Я припас для них целую коробку сигар,— сказал Уэст.— Видите, доктор? Капитан Андерсон прав. Сегодня ваши знания хирурга не пригодятся. Это все равно что стрельба по мишеням. Ха! Они уже улепетывают!

Отчасти так и было. Взрыв второй джонки, казалось, послужил сигналом для всей флотилии. Если на джонке имелась шлюпка, пираты спускали ее на воду, набивались в нее и что есть мочи гребли к берегу. Те, кому не хватало терпения дожидаться шлюпки, прыгали за борт иплы-

¹ *Блэкбёрдер* (англ. охотник за черными птицами) — так именовали белых работоторговцев, вывозивших жителей тихоокеанских островов (тех самых black birds) для работы на плантациях в европейских колониях.

ли сами по себе. Далеко не всем суждено было добраться до суши, но, похоже, они считали, что уж лучше утонуть, чем попасть под пушки надвигающегося на всех парах «Чарджера».

Впрочем, бросать суда спешили не все.

— Вижу пять — нет, семь — кораблей, идущих к выходу из бухты,— сказал я.

Нас снова сотрясло, на этот раз залпом из тридцатидвухфунтовок: «Чарджер» подошел достаточно близко, чтобы добивать ядрами до спасающихся бегством пиратов. Капитан направил подзорную трубу на джонки, которые стремились попасть в открытое море, и кивнул.

— Что ж, время разделить силы,— сказал он.— Командор Хьюз, берите пинассу с абордажной командой и захватите джонки, которые остались в бухте. Мистер Перхем на куттере, во главе второй команды, займется тем же.

Я посмотрел на капитана, как бы говоря: «Поручите Джеку куттер?»

— Пора,— ответил он на мой невысказанный вопрос.— А вы, доктор, будете сопровождать мистера Перхема. Ему может потребоваться ваш опыт. Как переводчика.

— Эх, жаль, я с вами не могу,— произнес Уэст, сверкнув бурыми зубами.

«Ага, крыса помойная, так я и поверил»,— чуть не сорвалось у меня с языка.

Вместо этого я обратился к капитану:

— А вы на «Чарджере» отправитесь в погоню?

— Верно. И еще, доктор... Помните: шпагу держат острым концом от себя.

ПЕСНЯ ДЛЯ ПУСТОТЫ

Вот каналья. Я не смог бы перечислить, сколько поединков он мне уступил за все эти годы или сколько китайских джонок мы с ним захватили во время и после войны.

— Благодарю, капитан. Я еще не совсем позабыл, что такое abordaj.

Он смотрел на уплывающие джонки, но на его губах играла легкая улыбка. Я же пошел обрадовать юного гардемарина новостью: ему предстоит возглавить первое в своей жизни сражение.

3

Для многих оказывается неожиданностью, что главной боевой силой на китайском театре были не крупные суда, а спускаемые с них лодки. Каждое судно несло на себе несколько таких лодок разного размера: чем оно было крупнее, тем больше. С их помощью перемещали людей и припасы с корабля на берег или с одного корабля на другой, а в Китайской станции на них отправляли абордажные команды, которые захватывали неприятельские суда или преследовали их на мелководье.

Если бы кто-то взглянул сверху, то счел бы нас сумасшедшими: небольшая лодка, часто весельная, вооруженная единственной носовой гаубицей, против нескольких джонок, значительно превосходивших ее и размером, и численностью экипажа. Однако мы регулярно одерживали верх над неприятелем, едва тот понимал, что сейчас его будут брать на абордаж.

Главным образом все сводилось к дисциплине — дисциплине и готовности сражаться. Китайцы в большинстве своем не желали с нами

ПЕСНЯ ДЛЯ ПУСТОТЫ

